

Сергей Михайлович Соловьев

**История России с древнейших
времен. Том 5**

Сергей Михайлович Соловьев
История России с
древнейших времен. Том 5
Серия «История России с
древнейших времен», книга 5

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172007

История России с древнейших времен. Книга III. 1463—1584: АСТ,

Фолио; М.; 2001

ISBN 5-17-002142-9

Аннотация

Знаменитый труд великого русского историка Сергея Михайловича Соловьева (1820–1879), является крупнейшим достижением русской исторической науки XIX в. С. М. Соловьев – «первый среди равных», в плеяде блестящих русских историков в которую входят Н. Карамзин, В. Ключевский, Н. Костомаров, А. Пресняков, Т. Грановский, С. Платонов и многие другие. Пятый том обширного 29-томного труда охватывает время правления Великого князя Московского Иоанна III Васильевича.

Содержание

Часть I	4
ГЛАВА ПЕРВАЯ	4
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Сергей Соловьев
История России с
древнейших времен. Том 5.
Великий князь московский
Иоанн III Васильевич и
его время 1462–1505 гг

Часть I

ГЛАВА ПЕРВАЯ
НОВГОРОД ВЕЛИКИЙ

Значение Иоанна III и характер его. – Состояние Новгорода Великого. – Литовская сторона. – Борецкие. – Столкновения с великим князем. – Осторожное поведение великого князя и митрополита. – Избрание владыки. – Вечевая усобица. – Договор с Казимиром литовским. – Война Новгорода с Москвою. – Мир по старине. – Посвящение владыки Феофила. – Новгородское беззрядье; обиженные обращаются

к суду великокняжескому. — Мирный проезд Иоанна в Новгород для управа. Суд. — Жалобицики едут в Москву. — Государь и господин. — Иоанн хочет быть государем в Новгороде. — Новая война. — Приравнение Новгорода к Москве. — Движения в Новгороде в пользу старины. — Казни и переселения. — Присоединение Вятки. — Ссоры псковичей с наместниками великокняжескими. — Московский великий князь распоряжается в Рязани. — Присоединение Твери к Москве; окончательное присоединение Ярославля и Ростова.

Иногда видим мы, как целые поколения в продолжение многих и многих лет тяжелыми трудами накопляют большие богатства: сын прибавляет к тому, что было накоплено отцом, внук увеличивает собранное отцом и дедом; тихо, медленно, незаметно действуют они, подвергаются лишениям, живут бедно; и вот наконец накопленные средства достигают обширных размеров, и вот наконец счастливый наследник трудолюбивых и бережливых предков начинает пользоваться доставшимся ему богатством. Он не расточает его, напротив, увеличивает; но при этом способ его действий по самой обширности средств отличается уже большими размерами, становится громок, виден, обращает на себя всеобщее внимание, ибо имеет влияние на судьбу, на благосостояние многих. Честь и слава человеку, который так благоразумно умел воспользоваться доставшимися ему средствами; но при этом должны ли быть забыты скромные предки, кото-

рые своими трудами, бережливостью, лишениями доставили ему эти средства?

Счастливым потомком целого ряда умных, трудолюбивых, бережливых предков, Иоанн III вступил на московский престол, когда дело собирания Северо-Восточной Руси могло почитаться уже оконченным; старое здание было совершенно расшатано в своих основаниях, и нужен был последний, уже легкий удар, чтоб доругнуть его. Отношения всех частей народонаселения ко власти княжеской издавна уже определялись в пользу последней: надлежало только воспользоваться обстоятельствами, воспользоваться преданиями, доставшимися в наследство от Византийской империи, чтоб выказать яснее эти отношения, дать им точнейшее определение. Новгород, Тверь, уделы княжества Московского ждали не последнего удара, но, можно сказать, только первого движения со стороны Москвы, чтоб присоединиться, приравняться к ней. Орда падала сама собою от разделения, усобиц, и стоило только воспользоваться этим разделением и усобицами, чтоб так называемое татарское иго исчезло без больших усилий со стороны Москвы. На западе король польский и великий князь литовский занят внутри разделением между Польшею и Литвою, разделением, господствующим под видом соединения; сильно занят извне отношениями к Пруссии, Богемии, Венгрии, не может мешать Москве в ее усилении, не может бороться с нею и уступает ей целые области. Спокойный, единовластный внутри, московский князь

пользуется своими средствами, пользуется собранием Северо-Восточной Руси, совершенным его предками, пользуется счастливыми внешними обстоятельствами, затруднительным положением соседей, чтоб начать наступательное движение на восток, на племена финские, на царства татарские, относительно же юго-запада припоминает, что Киев, Смоленск, Витебск и Полоцк издавна его предков отчины. С прекращением внутреннего движения для соборания земли, с утверждением единовластия и с началом внешних движений замкнутость, отчужденность Северо-Восточной Руси необходимо начинает прекращаться: державы Западной Европы узнают, что на северо-востоке существует обширное, самостоятельное Русское государство кроме той Руси, которая подчинена польским королям, и начинают отправлять в Москву послов, чтоб познакомиться с новым государством и попытаться, нельзя ли употребить его средства для общих европейских целей. Первым необходимым следствием начавшихся сношений с западными государствами было появление западных художников в Москве, которая таким образом начинает пользоваться плодами европейской цивилизации. Понятно, что все это были только начатки, начатки слабые: сношения с западными державами не шли далее Италии, Дании, Германской империи; сношения с последней скоро должны были прекратиться, по недостатку общих интересов; как и прежде, татарские орды на востоке и юге, Литва и Швеция на западе ограничивали политический го-

ризонт Московского государства.

Таковы были следствия собрания Русской земли около Москвы, следствия, необходимо обнаружившиеся во второй половине XV века, в княжение Иоанна III, который, пользуясь полученными от предков средствами, пользуясь счастливым положением своим относительно соседних государств, доканчивает старое и вместе с тем необходимо начинает новое. Это новое не есть следствие его одной деятельности; но Иоанну III принадлежит почетное место среди собирателей Русской земли, среди образователей Московского государства; Иоанну III принадлежит честь за то, что он умел пользоваться своими средствами и счастливыми обстоятельствами, в которых находился во все продолжение жизни. При пользовании своими средствами и своим положением Иоанн явился истым потомком Всеволода III и Калиты, истым князем Северной Руси: расчетливость, медленность, осторожность, сильное отвращение от мер решительных, которыми было можно много выиграть, но и потерять, и при этом стойкость в доведении до конца раз начатого, хладнокровие – вот отличительные черты деятельности Иоанна III. Благодаря известиям венецианца Контарини мы можем иметь некоторое понятие и о физических свойствах Иоанна: он был высокий, худощавый, красивый мужчина; из прозвища Горбатый, которое встречается в некоторых летописях, должно заключать, что он при высоком росте был сутуловат.

Мы видели, что только увещания новгородского архи-

епископа Ионы, пользовавшегося особенным уважением в Москве, и последовавшая вскоре смерть великого князя отворотили от Новгорода последний удар, который хотел нанести ему Василий Темный, жаловавшийся, что новгородцы не чтут его как следует. Действительно, особый быт Новгорода давно уже поддерживался только уособицами княжескими, и необходимым следствием их прекращения было приравнение Новгорода к другим городам Северной Руси, полное подчинение его князьям московским; Василий Темный, как скоро избавился от опасных или беспокойных князей, так начал тяготиться, что Новгород не воздает ему достойной чести, ему, который держит в руках всех князей: понятно, что если сам Василий не успел освободить себя от таких неприятных для него отношений, то сын его должен был об этом позаботиться. Новгородцы не могли не понимать всей опасности своего положения, не могли не видеть, что против сына Василиева не будет им помощи ни от кого из князей Северной Руси, и потому должны были искать помощи в другой стороне. Кроме великого князя московского, теперь сильного, спокойного, замышлявшего нанести последний удар Новгороду, был еще великий князь литовский, который назывался также и русским; к этому князю отъезжали из Северо-Восточной Руси все князья недовольные, лишенные отчин, угрожаемые князем московским; к нему обратились и новгородцы в последний, решительный час. Но великий князь литовский и вместе король польский был ка-

толик; отложиться от московского князя и поддаться литовскому, отложиться от московского митрополита и признать свою зависимость от митрополита киевского, митрополита подозрительного по своему поставлению, ученика Исидорова, в глазах многих, в глазах большинства в Новгороде, в глазах всего северного русского народонаселения значило изменить православие, приложиться к латинству или по крайней мере подвергнуть древнее благочестие сильной опасности. Таким образом, мысль о подданстве великому князю литовскому встречала сопротивление в господствующем чувстве большинства в Новгороде, в привязанности к вере предков; таким образом, Москва в окончательной борьбе своей с Новгородом имела могущественного нравственного союзника, обещавшего верную победу; этот союзник было православие.

И прежде не раз великие князья литовские предлагали свое покровительство Новгороду; их предложения были отвергаемы; и нельзя не заметить, что главным побуждением к тому было иноверство Гедиминовичей, хотя, с другой стороны, и от Москвы не было еще тогда такой опасности, которая бы заставила новгородцев быть внимательнее к предложениям из Литвы. Но мысль, что рано или поздно придется просить помощи у Литвы, эта мысль не могла уже быть чуждою в Новгороде, и здесь нашлись люди, которые не разделяли мнения большинства относительно препятствий к соединению с Литвою. Заметно было уже и прежде раздвое-

ние между гражданами новгородскими, между лучшими и меньшими людьми; теперь, в решительную минуту, это разделение повело к разномыслию относительно самого важного шага, а это разномыслие в свою очередь усиливало вражду между сторонами. Есть известие, что будто бы еще в тридцатых годах столетия была в Новгороде смута от желания знатных людей присоединиться к Литве. В решительную минуту борьбы Новгород был разделен; в Москве не могли не знать о существовании литовской стороны, которая, разумеется, должна была утверждать, что соединение с Литвою во все не опасно для православия, что в старом Киеве такой же православный митрополит, как и в Москве. Для ослабления литовской стороны надобно было возражать на это, надобно было удержать прежде всего владыку новгородского от признания киевского митрополита Григория православным, законным, и вот Иоанн III посылает к владыке Ионе с такими речами: «Тебе известно, откуда пришел этот Григорий и от кого поставлен: пришел он из Рима, от папы, и поставлен в Риме же бывшим цареградским патриархом Григорием, который повиновался папе с осьмого собора. Ты знаешь также, за сколько лет отделилась греческая церковь от латинской, и святыми отцами утверждено, чтоб не соединяться с латинством. Ты должен хорошо помнить, какой обет дал ты Ионе-митрополиту, когда приезжал к нам в Москву: ты обещал не приступать к Григорию, не отступать от Ионы – митрополита всея Руси – и от его преемников; такой же обет повторил и

митрополиту Феодосию, и нынешнему Филиппу... Так если тот Григорий начнет подсылать к тебе или к новгородцам с какими-нибудь речами или письмами, то ты, богомолец наш, поберегись и своим детям внуши, чтоб Григорьеву посланию не верили, речей его не слушали и даров не принимали; да помни, отец, свой обет, который ты дал на своем поставленьи отцу нашему, Ионе-митрополиту, и всем его преемникам».

В челе стороны литовской стояли Борецкие, дети умершего посадника Исака Борецкого. Мы видели, какое важное значение в семействах княжеских получали матери по смерти отцов; так было и в семьях частных: вдова Исака Борецкого, Марфа, имела сильную власть над детьми по обычаю и по личному характеру и посредством этой власти пользовалась могущественным влиянием на дела родного города. Существование сильной стороны, Москве враждебной, ожесточение, так резко обнаружившееся в некоторых новгородцах после похода Василия Темного, не могли не повести к враждебным столкновениям Новгорода с Москвою в княжение преемника Василиева: в Новгороде стали утаивать великокняжеские пошлины; стали заводить опять за себя земли и воды, уступленные прежде по суду Москве; с большого веча шумная толпа людей являлась на великокняжеский двор, на Городище, бранили, бесчестили наместников, посла Иоаннова; по одному из условий договора Васильева московские подданные, тяжущиеся с новгородцами, судились новгородским боярином вместе с московским на Городище; новгородцы,

забыв об этом условии, схватили на Городище каких-то двух князей, *за отказом в имени великого князя*, людей их взяли, били, свели в город и мучили; наконец, новгородские порубежники нападали на волости московские. Великий князь во все это время был занят войною казанскою; с другой стороны, по природной осторожности своей он мог бояться решительными, строгими требованиями усилить, увеличить число приверженцев литовских и заставить Новгород поддаться Казимиру. Несколько раз отправлял он в Новгород послов с требованием, чтобы отчина его исправилась, жила по старине. Теперь это слово «старина» в устах великокняжеских получала особое значение: до сих пор в отношении к великим князьям новгородцы имели важное преимущество действовать во имя старины; теперь, замышляя подданство литовское, они теряли это преимущество, переходившее на сторону великого князя; сперва новгородцы не требовали от князей ничего более, кроме исполнения старинных условий; теперь великий князь требует от новгородцев сохранения старины.

И митрополит московский держался также старины: мы видели, что псковичи постоянно тяготились зависимостью своей от владыки новгородского, который, в их глазах, не исполнял своих обязанностей в отношении к ним, как следует, отчего происходили сильные неурейства в псковской церкви. В конце 1463 года псковичи отправили к великому князю гонца с двумя грамотами: в одной написана была благодар-

ность от всего Пскова за то, что Иоанн прислал воеводу своего оборонять Псков от немцев, причем прибавлено: «Хотели мы слать к тебе, своему государю, людей честных, посадников и бояр, да затем не послали, что не пропустит Великий Новгород». Великий князь с удивлением сказал гонцу: «Как это вы побоялись моей отчины, Великого Новгорода? Как новгородцам не пропустить ваших послов ко мне, когда они у меня в крестном целовании?» Другая грамота объясняла дело: в ней псковичи просили, чтобы великий князь велел митрополиту поставить особого владыку во Псков, их же брата, псковитина. Иоанн отвечал: «Это дело великое: хотим о нем с отцом своим, митрополитом, крепко подумать; отец наш пошлет за архиепископами и епископами, и если они все согласятся, то мы вам дадим знать». В начале следующего года псковичи возобновили просьбу через знатных послов, которые привезли великому князю в подарок 50 рублей; но успеха не было: Иоанн, подумавши с митрополитом, объявил, что нельзя быть во Пскове особому владыке, потому что с самого начала не бывал и нет стола во Пскове. Псковичи принуждены были возвратить новгородскому владыке воды, земли и все оброки, которые было захватили в надежде, что Москва исполнит их желание. В конце 1468 года они попытались было опять ввести новизну в своем церковном управлении, и опять неудачно: все монахи и священники псковские, все пять соборов, благословивши посадников и весь Псков на вече, сказали: «Хотим, дети, между со-

бою, по правилам св. апостол и св. отец, во всем священстве крепость положить, как нам управляться и жить по Номоканону; а вы нам, дети, будьте поборники, потому что здесь правителя над нами нет и нам самим между собою крепости удержать нельзя, да и вы иногда вступаетесь миром в церковные дела не по правилам: так мы хотим и на вас такую же крепость положить». Псков им отвечал: «То ведаете вы, все божие священство; и мы вам поборники на всякий добрый совет». Тогда все пять соборов и все священство написали грамоту из Номоканона о своих священнических крепостях и о церковных делах и положили грамоту в ларь, а для исполнения грамоты правителями над собой на вече перед всем Псковом посадили двоих священников. Но скоро клеветники встали на одного из этих правителей, и он убежал в Новгород к владыке. Владыка, узнавши о новизне, приехал в начале 1469 года во Псков и спросил: «Кто это так сделал без моего ведома? Я сам хочу здесь судить, и вы бы грамоту вынули и подрали». Все божие священство, посадники и весь Псков, подумавши, отвечали: «Сам, господин, знаешь, что тебе здесь недолго быть и нашего дела тебе скоро нельзя управить, потому что в это последнее время в церквях между священниками смущение сильное, так что всего и сказать нельзя, сами они хорошо об этом знают; так вот, грамоту из Номоканона выписали и в ларь положили по вашему же слову; сам ты, господин, и прежние владыки благословляли пять соборов управлять всякими делами священническими

по Номоканону вместе с своим наместником». Владыка сказал: «Доложу об этом митрополиту и дам вам знать, как он прикажет». Митрополит благословил, а великий князь приказал, чтоб псковичи все управление священническое положили на архиепископе новгородском, потому что так искони предано, и весь Псков митрополичье благословение и государя своего, великого князя, слово принял, вынул грамоту из ларя и подрал.

Между тем в Москву приехал из Новгорода посол, посадник Василий Ананьин, правил посольство о своих делах земских новгородских, относительно же великокняжеских жалоб не сказал ни слова и, когда бояре напомнили ему о них, отвечал: «Великий Новгород об этом не мне приказал». Великого князя раздосадовала такая грубость, что новгородцы о своих земских делах к нему посылают и челом бьют, а в чем ему грубят, то забывают; он велел Ананьину сказать новгородцам: «Исправьтесь, *отчина моя*, сознайтесь, в земли и воды мои не вступайтесь, имя мое держите честно и грозно по старине, ко мне посылайте бить челом по докончанию, а я вас, свою отчину, жаловать хочу и в старине держу». Отправивши такое умеренное требование, без всяких угроз, Иоанн, однако, не очень надеялся на удовлетворительный для себя ответ со стороны Новгорода и стал думать о походе, послал сказать псковичам: «Если Великий Новгород не добьет мне челом о *моих старинах*, то отчина моя Псков послужил бы мне, великому князю, на Великий Новгород за

мои старины».

В таком положении находились дела, когда в ноябре 1470 года умер новгородский владыка Иона, а чрез два дня после его смерти приехал в Новгород брат киевского князя – наместника Семена, Михаиле Александрович или Олелькович, выпрошенный Новгородом у короля Казимира, приехал в сопровождении многочисленной толпы и был принят с честью. Принимать с честью князей литовских и давать им кормление на пригородах не было новостью для Новгорода, и подобные приемы прежде не вели к разрыву с московскими князьями, которые продолжали держать в Новгороде своих наместников. Так и теперь новгородцы, принявши Олельковича, не показали пути наместникам Иоанновым; но теперь обстоятельства были уже другие; теперь пробил решительный час, теперь громко и ясно был высказан вопрос: оставаться ли за Москвою или просить покровительства у короля литовского? И при решении этого вопроса город разделился на две стороны. Олельковича выпросили у Казимира не для защиты от шведов или немцев, выпросила его сторона литовская для усиления себя, для угрозы Москве.

Через десять дней после смерти Ионы посадники, тысяцкие и весь Великий Новгород, поставя вече у св. Софии, положили три жребия на престоле: жребий Варсонофия, духовника, Пимена, ключника, и Феофила, ризничьего архиепископских; вынул жребий Феофилов; избранного по старине ввели честно во владычнй двор, на сени, и по старине

отправили посла в Москву бить челом великому князю, просить опасной грамоты для приезда Феофила и посвящения его в архиепископы у гроба чудотворца Петра. Но сторона литовская, Борецкие с Олельковичем действовали: говорят, что князь Михаил указывал Марфе жениха в одном из панов литовских, в будущем наместнике новгородском, с которым она станет правительницею родного города. Ключник владычней Пимен, потерявши надежду стать архиепископом по жребию, думал получить свое желание при новом порядке вещей, тем более что Феофил был за старину, требовал, чтоб его отправили непременно на поставление в Москву; Пимен, напротив, стал объявлять: «Хотя на Киев меня пошлите, я и туда на свое постановление поеду»; хозяин богатой казны архиепископской, Пимен передал много денег Марфе для подкупа людей на свою сторону. Но такое поведение Пимена, разграбление казны владычней и желание идти наперекор священному древнему обычаю, по которому был избран Феофил, возбудили сильное негодование в Новгороде: Пимена схватили, мучили, казну его разграбили и, кроме того, взыскали 1000 рублей. Пришел и ответ из Москвы на просьбу о позволении приехать Феофилу; великий князь велел сказать: «Отчина моя Великий Новгород прислал ко мне бить челом, и я его жалую, нареченному владыке Феофилу велю быть у себя и у митрополита для поставленья без всяких зацепок, по прежнему обычаю, как было при отце моем, деде и прадедах».

Люди, не хотевшие разрывать с Москвой, и в том числе Феофил, обрадовались дружелюбному ответу Иоаннову; но в это самое время явились послы псковские с такой речью: «Нас великий князь, а наш государь поднимает на вас; от вас же, своей отчины, челобитья хочет. Если вам будет надобно, то мы за вас, свою братью, ради отправить посла к великому князю, бить челом о миродокончальной с вами грамоте: так вы бы послам нашим дали путь по своей вотчине к великому князю». Это посольство доставило приверженцам литовским предлог к восстанию; на вече раздались голоса: «Не хотим за великого князя московского, не хотим называться его отчиною, мы люди вольные; не хотим терпеть обиды от Москвы, хотим за короля Казимира! Московский князь присылает опасную грамоту нареченному владыке, а между тем поднимает на нас псковичей и сам хочет идти!» В ответ послышались крики стороны противной: «Хотим, по старине, к Москве! Нельзя нам отдаться за короля и поставить владыку у себя от митрополита-латинца». Вечевая усобица должна была решить вопрос о том, за кем быть Новгороду – за литовским или московским князем, как прежде она решала, какого князя принять – киевского, черниговского или суздальского? Природа веча давала стороне богатейшей возможность осилить противников менее богатых наймом людей, которые продавали не только свои голоса на вече, но и свои руки, когда дело доходило до схватки: по словам летописца, приверженцы Литвы стали нанимать *худых*

мужиков вечников, которые готовы стать за всякого, по своему обычаю; вечники начали звонить в колокола, кричать: «Хотим за короля!» – и бросать камнями в тех, которые хотели оставаться за московским князем. Наконец литовская сторона осилила: отправили посла с поминками и с челобитьем к королю, и король заключил договор со всем Великим Новгородом, мужами вольными: обязался держать на Городище наместника веры греческой, православного христианства; наместник, дворецкий и тиуны королевские, живя на Городище, не могли иметь при себе более пятидесяти человек. Пойдет великий князь московский на Великий Новгород, или сын его, или брат или которую землю поднимет на Великий Новгород, королю садиться на коня за Новгород со всею Радою литовскою; если же король, не помилив Новгорода с московским князем, поедет в Польскую землю или Немецкую и без него пойдет Москва на Новгород, то Рада литовская садится на коня и обороняет Новгород. Король не отнимает у новгородцев их веры греческой православной, и где будет любо Великому Новгороду, тут и поставит себе владыку; римских церквей король не ставит ни в Новгороде, ни в пригородах, ни по всей земле Новгородской. Что в Пскове суд, печать и земли Великого Новгорода, то к Великому Новгороду по старине. Если король помирит Новгород с московским князем, то возьмет черный бор по новгородским волостям, один раз, по старым грамотам, а в иные годы черного бору ему не надобно. Король держит Новгород в воле му-

жей вольных, по их старине и по крестной грамоте; целует крест ко всему Великому Новгороду за все свое княжество и за всю Раду литовскую. Между этими условиями с Казимиром не встречаем условия о праве короля раздавать волости, грамоты вместе с посадником, не лишать волостей без вины, нет условия о праве короля брать дар со всех волостей новгородских, о праве охотиться в известных местах, посылать своего осетреника и медовара; о праве посылать своего мужа за Волок; замечательно в договоре с Казимиром выражение «вольные люди», которое повторяют новгородцы, говоря о себе, чего не находим в прежних договорах с князьями Рюриковичами; наконец, должно заметить, что новгородцы требуют от Казимира присяги за Раду литовскую, о Польше не упоминается ни слова.

Отправивши послов в Литву, послали сказать псковичам: «Вашего посла к великому князю не хотим поднимать, и сами ему челом бить не хотим; а вы бы за нас против великого князя на коня сели, по своему с нами миродокончанию». Псков дал на это такой ответ: «Как вам князь великий отошлет складную грамоту, то объявите нам, мы тогда, подумавши, ответим». Но псковичи недолго думали и объявили московскому послу, что будут помогать великому князю.

Последний, узнав о победе литовской стороны, хотел испытать еще мирные средства и отправил в Новгород посла с жалованием и добрыми речами, «чтобы отчина его, новгородцы, от православия не отступали, лихую мысль из серд-

да выкинули, к латинству не приставали и ему бы, великому князю, челом били, да исправились, а он, великий государь, жалует их и в старине держит». Митрополит Филипп также послал увещательные грамоты: «Сами знаете, дети, с какого времени господари православные, великие князья русские начались; начались они с великого князя Владимира, продолжают до нынешнего Иоанна Васильевича; они господари христианские русские и ваши господа, отчичи и дедичи, а вы их отчина из старины мужи вольные. Господин и сын мой князь великий сказывает, что жаловал вас и в старине держал и вперед жаловать хочет, а вы, сказывает, своих обещаний ему не исполняете... Ваши лиходеи наговаривают вам на великого князя: „Опасную-то грамоту он владыке нареченному дал, а между тем псковичей на нас поднимает и сам хочет на нас идти“. Дети! Такие мысли враг дьявол вкладывает людям: князь великий еще до смерти владыки и до вашего челобитья об опасной грамоте послал сказать псковичам, чтобы они были готовы идти на вас, если вы не исправитесь; а когда вы прислали челобитье, так и его жалованье к вам тотчас пошло. И о том, дети, подумайте: царствующий град Константинополь до тех пор непоколебимо стоял, пока соблюдал православие; а когда оставил истину, то и впал в руки поганых. Сколько лет ваши прадеды своей старины держались неотступно; а вы при конце последнего времени, когда человеку нужно душу свою спасать в православии, вы теперь, оставя старину, хотите за латинского господаря за-

кладываться! Много у вас людей молодых, которые еще не навыкли доброй старине, как стоять и поборать по благочестию, а иные, оставшись по смерти отцов ненаказанными, как жить в благочестии, собираются в сонмы и поощряют на земское неустроение. А вы, сыны православные, *старые* посадники новгородские и тысяцкие, и бояре, и купцы, и весь Великий Новгород, сами остерегитесь, старые молодых понаучите, лихих удержите от злого начинания, чтоб не было у вас латинские похвалы на веру православных людей».

Все эти увещания не помогли, надобно было садиться на коня. В мае 1471 года великий князь созывает на думу братьев своих, митрополита, архиереев, бояр и воевод, объявляет, что необходимо выступить в поход на новгородцев за их отступление, но спрашивает, выступать ли немедленно или ждать зимы, потому что земля Новгородская наполнена большими озерами, реками, болотами непроходимыми; прежние великие князья летом на Новгород не хаживали, а кто ходил, тот много людей терял. Решили выступить немедленно, и великий князь занялся распоряжениями к походу: беречь Москву и управлять Русскою землею во время отсутствия своего оставил сына Иоанна, при котором приказал быть брату Андрею Васильевичу Старшему вместе с служилым татарским царевичем Муртозою. С собою в поход брал великий князь братьев – Юрия, Андрея Меньшого и Бориса, князя Михаила Андреевича Верейского с сыном и другого татарского служилого царевича – Даньяра; выпросил с со-

бою в поход у матери дьяка ее, Степана Бородатого, знавшего хорошо летописи, умевшего приискать в них, что нужно к делу: на случай если придут новгородские послы, то Степан напомнит ему, что говорить о их старых изменах, как они изменяли в давние времена отцам его, дедам и прадедам. В Новгород отправлен был посол с разметными грамотами, в Тверь – с просьбою о помощи, во Псков и Вятку – с приказом идти на новгородские владения. И прежде в летописях отражается нерасположение северо-восточного народонаселения к Новгороду: но теперь, при описании похода 1471 года, замечаем сильное ожесточение. «Неверные, – говорит летописец, – изначально не знают бога; а эти новгородцы столько лет были в христианстве и под конец начали отступать к латинству; великий князь пошел на них не как на христиан, но как на иноязычников и на отступников от православия; отступили они не только от своего государя – и от самого господ бога; как прежде прадед его, великий князь Димитрий, вооружился на безбожного Мамайя, так и благоверный великий князь Иоанн пошел на этих отступников».

Первый отряд под начальством князя Даниила Дмитриевича Холмского и боярина Феодора Давыдовича в числе 10000 выступил в начале июня к Русе; за ним пошел отряд под начальством князя Оболенского-Стриги вместе с Даныяровыми татарами к Вышнему Волочку и потом по Мсте; трое братьев великокняжеских и князь Верейский двинулись с полками каждый из своей отчины. Все эти войска вступили

разными дорогами в Новгородскую землю и начали страшно опустошать ее: воеводам велено было распустить ратников по многим местам – жечь, пленить и казнить без милости жителей за их неисправление к своему государю, великому князю. Сам Иоанн выступил 20 июня с главными силами и царевичем Даньяром. 23 пришел в Волок, 29 остановился в Торжке, куда явились к нему воеводы тверские со многими людьми, явились и послы псковские с объявлением, что Псков сложил крестное целование к Новгороду.

К московскому князю приходила помощь с разных сторон; Великому Новгороду не было помощи ниоткуда; король Казимир не трогался; даже князь Михаил Олелькович, услышав о смерти брата своего, Семена, в Киеве, еще 15 марта уехал из Новгорода да на дороге пограбил Русу и от нее все места до самой границы; другого служилого князя своего, Рюриковича, князя Василия Шуйского-Гребенку, новгородцы отправили на защиту Заволочья; они послали просить помощи у Ордена, и магистр ливонский писал к Великому, что Орден должен помочь Новгороду, ибо если московский князь овладеет последним, то немцам будет грозить большая опасность. Но пока магистры пересылались, московский князь уже успел совершить опасное для них дело: передовые полки его под начальством князя Холмского сожгли Русу 23 июня и на берегу Ильменя, у Коростыни, побили отряд новгородцев, которые, приплыв озером, хотели нечаянно напасть на москвичей; но сзади, на реке Поле, явилась другая

новгородская рать; московские воеводы побили и эту, возвратясь от Русы. Легко поверить новгородскому летописцу, что причиной неуспеха его земляков было раздвоение, господствовавшее в их городе: конная рать не пошла к пешей в срок на помощь, потому что полк владычний не хотел ударить на великокняжескую рать, говорил: «Владыка нам не велел на великого князя рук поднимать, он послал нас только на псковичей».

К псковичам в половине июня приехал московский посол понуждать их к немедленному походу. Они отослали складные грамоты в Новгород, а послу сказали: «Как только услышим великого князя в Новгородской земле, так и сядем на коней за своего государя». В Петров день приехал из Русы московский боярин Зиновьев и начал каждый день твердить псковичам: «Садитесь сейчас же со мною на коней, я к вам отпущен от великого князя, воеводой приехал». Зиновьев привел с собою сто человек дружины, и Пскову был большой убыток: много выходило корму на людей и на лошадей. И вот псковичи 10 июля тронулись в поход всем городом и пригородами под начальством сына своего князя-наместника, Василия Федоровича Шуйского, и четырнадцати посадников. Новгородцы, услышав об этом и безопасные со стороны Холмского, отвлеченного к реке Поле, решили выступить против псковичей и стали собирать огромное войско. Но уже из самого способа, каким набиралось это войско, можно было предвидеть неудачу: приверженцы Литвы,

затеявшие войну, силой выгнали в поход плотников, гончаров и других ремесленников, которые отроду и на лошадь не саживались; кто не хотел идти, тех грабили, били, бросали в Волхов. Таким образом набралось тысяч сорок войска и пошло под начальством степенного посадника Димитрия Борецкого по левому берегу Шелони навстречу псковичам; но не с ними оно встретилось. Великий князь 9 июля стоял у озера Коломны, недалеко от Вышнего Волочка, когда Холмской дал ему знать о битве на Поле и о своем движении к Демону; Иоанн немедленно же велел ему идти назад, к Шелони, для соединения с псковичами, а у Демона приказал стоять князю Верейскому. Холмской двинулся назад и 14 июля завидел полки новгородские, шедшие по той стороне Шелони; московские воеводы, несмотря на огромную разницу в числе войска (у них было немного более 4000, а у новгородцев – до 40000), решились вступить в битву: ратники их переправились через реку и ударили на новгородцев, которые не выдержали натиска и побежали; по новгородским же известиям, новгородцы прогнали москвичей за Шелонь, но западная рать татарская внезапно ударила на них и решила дело в пользу войск великокняжеских. Как бы то ни было, новгородцы потерпели страшное поражение, потеряли, по их счету, двенадцать тысяч убитыми и тысячу семьсот взятых в плен; в числе последних находился степенный посадник Борецкий вместе с другими воеводами; в обозе победители нашли и договорную грамоту новгородцев с Казимиром и ото-

слали ее к великому князю.

С другой стороны, псковичи, узнавши, что новгородцы жгут их пограничные волости, выезжая из Вышгорода, осадили это место, начали бить пушками, стрелами стрелять, примет приметывать. Первый день новгородцы крепко оборонялись, но на другой день, видя, что у них нет ни запасов, ни воды, вышли со крестами на заборало и начали говорить осаждающим: «В чем вы избожены, то ведает государь наш и ваш, князь великий, и Великий Новгород; а вы бы над нами свое милосердие показали, мы же вам животворящий крест целуем», – и отдали весь псковский полон, даже стрелы, собравши их на городе или кругом заборал. Псковичи челобитье их приняли, кровь их пощадили, отступили от городка и занялись опустошением пограничных мест верст на 50 и больше. Не так был счастлив другой полторатысячный отряд псковичей, собранный из охочих людей, которые отправились на север: за рекой Лютой, притоком Плюсы, ударили на них врасплох новгородцы и разбили наголову; но скоро весть о Шелонском поражении заставила победителей бежать с места победы.

Великий князь получил весть о победе, когда стоял в Яжолбицах, в 120 верстах от Новгорода; отсюда он двинулся к югу и стал против Демона, который сдался князю Верейскому, заплативши сто рублей окупа; от Демона Иоанн пошел к Русе и вступил в нее 24 июля; он ждал послов новгородских с челобитьем, потому что еще из-под Демона от-

пустил в Новгород гонца, иррезжавшего за опасной грамотой, но вместо того получил весть, что Новгород волнуется по-прежнему. Несмотря на Шелонское поражение, несмотря на то, что здесь литовская сторона лишилась предводителей своих, взятых в плен, несмотря на то, что гонец, посланный к Казимиру для понуждения его садиться поскорее на коня за Новгород, возвратился с печальной вестью, что магистр ливонский не пропустил его через свою землю (если магистру не нравилось господство московского князя над Новгородом, то еще более должно было не нравиться господство литовского князя по тогдашним отношениям обоих орденов к Казимиру), несмотря на все это, когда в Новгороде узнали, что Иоанн в Русе, то встал сильный мятеж, сторожа заняли стены и башни, переменяясь день и ночь, а люди по-прежнему разделились: одни хотели за Москву, а другие – за Литву. Узнав об этом, Иоанн сильно рассердился и велел казнить Борецкого с тремя другими знатнейшими пленниками. «Вы за короля задаваться хотели», – сказал он им. Новгородцы приготовились защищаться, пожегши все посады около города, казнили переветника Упадыша, который с своими единомышленниками пять пушек железом заколачивал; но скоро увидали, что сопротивление не может быть продолжительно: хлеб вздорожал, рожь исчезла на торгу, можно было найти пшеничный хлеб, да и того мало. Тогда потребители ржаного хлеба поднялись на потребителей пшеничного, укоряя их за то, что они привели великого князя на Новгород;

это значило, что московская сторона взяла верх, и вот нареченный владыка Феофил с старыми посадниками и житыми людьми поехал бить челом великому князю, который стоял уже при устье Шелони, на Коростыне. Феофил сначала обратился с челобитьем к князьям, боярам и воеводам, чтоб просили за Новгород братьев великокняжеских, а чтоб эти просили уже самого великого князя; митрополит из Москвы также писал, что если новгородцы придут с челобитьем, то чтоб великий князь утолил свой гнев. Иоанн принял новгородское челобитье, велел перестать жечь и пленить и дал мир Новгороду по старине; но за новгородскую проступку взял 15000 рублей деньгами в отчет, а серебром в отвес, кроме того, что передано было братьям великокняжеским, князьям, боярам, воеводам московским за ходатайство. В договоре, заключенном по старине, новгородцы обязались: «За короля и за великого князя литовского, кто на Литве ни будет, от вас великих князей (Иоанна и сына его) нам, вашей отчине Великому Новгороду, мужам вольным, не отдаться никакою хитростью и быть нам от вас неотступными ни к кому; князей нам у великого князя литовского на пригороды не просить и не принимать князей из Литвы в Великий Новгород. А на владычество нам выбирать по своей старине; ставиться же нашему владыке у гроба св. Петра-чудотворца в Москве у вас, великих князей, и у вашего отца митрополита, какой митрополит у вас в Москве ни будет; а в другом месте, кроме Москвы, нам владыки нигде не ставить».

Новгородцы начали переговоры с великим князем, еще не зная о другом своем несчастье: в Двинской области воевода их, князь Василий Шуйский, имея двенадцатитысячный отряд войска, встретился на берегах Двины с устюжским великокняжеским воеводою Образцом и вятчанами, у которых было менее 4000 войска: жаркая битва продолжалась целый день, секлись, схватывая друг друга за руки; двинский знаменщик был убит, знамя подхватил другой, убит был и этот, подхватил и третий, наконец убили и третьего, знамя перешло в руки москвичей, и двиняне дрогнули; князь Шуйский спасся бегством, раненый; новгородский летописец складывает вину поражения на двинян, говорит, что они не тянули по князе Шуйском. С другой стороны, вологодский воевода князя Андрея Васильевича Меньшого повоевал Кокшенгу. Заключая договор по старине, Иоанн возвратил Новгороду его заволоцкие владения, но при этом был сделан строгий перебор, и новгородцы должны были отдать все волости великокняжеские и ростовских князей, захваченные ими прежде и в последнюю войну. Таким образом, многие волости разделились пополам между Москвою и Новгородом, например Емец, Матигоры, Кур-остров, Чухчелема, Ухть-остров, Лисичь-остров; другие, которые прежде мы видели за Новгородом, отошли все к Москве без раздела, например Колмогоры, Ненокса, Уна и проч. Вся земля Новгородская, говорит летописец, до самого моря была пожжена и поплена, потому что опустошали ее не одни те войска, которые были с ве-

ликим князем или его братьями, но изо всех земель московских ходили толпы за добычею в новгородские волости. Беды не прекратились и по отходе великокняжеских войск: жители Русы, бежавшие в Новгород во время войны, теперь отравились домой по Ильменю; но поднялась страшная буря и потопила их: погибло 90 учанов и 60 малых судов, в одном месте нашли 120 трупов. И не тут только природа объявила себя против Новгорода, за Москву; опасения, что трудно будет идти под Новгород летом по причине многих вод и болот, на этот раз не оправдались; как нарочно, лето было знойное, от мая до сентября не упало ни капли дождя; не было нигде преграды московским ратникам, которые гнали скот по болотам и местам, прежде непроходимым.

1 сентября возвратился Иоанн в Москву: того же 1471 года в декабре приехал туда нареченный владыка новгородский Феофил и был посвящен; Феофил просил свободы новгородским пленникам, и великий князь исполнил его просьбу; отправил и наместников своих в Новгород по-прежнему. Казалось, что все уладилось, но так могло казаться только: долговременное отсутствие великих князей, долговременная невозможность для них заниматься внутренними делами Новгорода ослабили, привели в забвение, но не уничтожили прав их здесь; теперь же великий князь московский получил возможность дать силу этим правам. При ослаблении власти княжеской вследствие постоянной борьбы многих князей-соперников образовались стороны, также посто-

янно боровшиеся между собою; богатый боярин, имевший средства платить многочисленным вечникам, мог отважиться на все, мог отважиться вооруженною рукою мстить за свои оскорбления; иногда целые улицы, целые концы враждовали друг с другом, стоя за то или другое лицо, за того или другого чиновника гражданского; сила решала спор; предводитель восторжествовавшей стороны достигал должности посадника и в этом звании позволял себе мстить тем гражданам, тем улицам, тем концам, которые были против него. Что оставалось побежденным и слабым? Молчать и ждать благоприятных обстоятельств, ждать усиления своей стороны, которое подаст им возможность собраться на вече, низложить соперников и поступить с ними по их же примеру. В таком состоянии находились дела, когда великий князь был далеко, а наместников мало слушались. Но теперь, когда великий князь хотел и мог восстановить свое старинное значение верховного судьи, теперь стороне угнетенной не нужно было долго дожидаться удобного случая к низложению врагов своих: она могла отдать свое дело на решение великого князя. Посадник степенный Василий Ананьин с 18 другими боярами своей стороны, наехавши с многочисленным отрядом на две улицы, Славкову и Никитину, людей переграбил и перебил, многих даже до смерти, имения взял на тысячу рублей. В то же время староста Федоровской улицы Памфил вместе с двумя боярами, которые участвовали и в нападении на две упомянутые улицы, ударил на двор двух

братьев, бояр Полинарьиных, людей у них перебил, имения пограбил на 500 рублей. Любопытно, что между виновниками этих насилий встречаем имена известных врагов Москвы: это обстоятельство может навести на мысль, что здесь действовали также и причины политические, что на эту борьбу должно смотреть как на продолжение борьбы двух сторон – литовской и московской. В нападении на Славкову и Никитину улицы участвовали: Селезневы – Матвей и Яков, которых брат Василий был казнен вместе с Димитрием Борецким; Андрей Телятев и Моисей Федоров; Павел Телятев и Яков Федоров были также схвачены в Шелонской битве и отосланы в Коломну; Афанасьевы, которых Иоанн, как увидим впоследствии, считал самыми жаркими приверженцами Литвы; наконец, в числе вельмож, на которых были поданы жалобы и которые были обвинены Иоанном, видим Федора Исакова Борецкого. Но если сообщники степенного посадника Ананьина были приверженцами Литвы, то можно заключить, что и сам посадник не был доброжелателем Москвы. Как бы то ни было, обиженные посадником и его товарищами послали жаловаться на них в Москву. Псковский летописец говорит, что житые и младшие люди сами призвали великого князя, потому что обижали их посадник и великие бояре, не знавшие над собою суда; но мы не можем принять этого известия без ограничения: кроме борьбы сословий тут мы видим и борьбу сторон, ибо между врагами Ананьина и товарищей его встречаем не одних житых и младших граж-

дан, но также бояр Полинарьиных.

22 октября 1475 года Иоанн выехал из Москвы в Новгород, миром, но со многими людьми; в Вышнем Волочке встретил его посол от владыки Феофила с дарами, но тут же встретили его и жалобщики, какой-то Кузьма Яковлев с товарищами; отсюда до самого Новгорода по всем станциям встречали его новгородские чиновники с подарками, начиная от подвойского до посадников, и между ними опять *жалобщики многие*. За 90 верст до города встретил князя владыка Феофил, воевода новгородский, князь Василий Васильевич Шуйский и посадник степенный Ананьин со многими другими духовными, боярами и житыми людьми: владыка поднес две бочки вина, все остальные – по меху вина, и все были угощены обедом. Проведя месяц в дороге, 21 ноября Иоанн въехал в Новгород, встреченный посадниками, житыми людьми, множеством народа, и стал на Городище; владыка прислал двух чиновников своих распоряжаться доставкой съестных припасов ко двору великокняжескому; но великий князь не велел брать от них кормов и осердился на владыку, зачем прислал людей непригожих к делу, незначительных; владыка просил прощения чрез бояр, велел отпускать припасы наместнику своему, и тогда великий князь нелюбье отложил и пожаловал, велел брать кормы; владыка в день приезда бил челом Иоанну, звал его к себе обедать; но великий князь не пожаловал, не поехал и на другой день позвал к себе на обед владыку, посадника степенного, старых посадни-

ков, тысяцких и многих знатных людей; в тот же день нашло к нему множество жалобников, новгородцев и уездных людей; одни пришли просить приставов, чтобы не быть ограбленными от ратников, пришедших с великим князем, другие пришли с жалобами на свою же братию, новгородцев. «Потому что, – говорит летописец, – земля эта давно уже в своей воле жила, о великих князьях небрегла и не слушала их, и много зла было в ней: убийства, грабежи, домам разорение напрасное; кто кого мог, тот того и обижал».

23 ноября въехал Иоанн в *город* (крепость), где был встречен владыкою со всем духовенством, как приказал сам великий князь. В этот день он слушал обедню у св. Софии и обедал у владыки, причем получил дары: три постава сукон, 100 корабельников (червонцев), зуб рыбий да на проводях две бочки вина. На другой день пошли к великому князю с челобитьем, дарами и жалобами разные люди, а на третий явились главные жалобщики – две улицы, Славкова и Никитина, да братья Полинарьины – и жаловались в присутствии владыки, старых посадников, других бояр и житых людей. Иоанн сказал владыке и посадникам: «Ты, богомолец наш, и вы, посадники, объявите отчине нашей, Великому Новгороду, чтобы дали на этих обидчиков своих приставов, как я дал на них своих, потому что я хочу дело рассмотреть; и ты бы, богомолец мой, и вы, посадники, тогда у меня были: хочется мне обиженным управу дать». Новгородцы дали своих приставов, и в воскресенье 26 ноября обидчики и обиженные

все стали перед великим князем на Городище в присутствии Феофила и старых посадников; начался суд, и было решено, что жалобы справедливы. Тогда великий князь велел взять обвиненных, главных посадить за приставами, товарищей их отдать на поруку крепкую, в 1500 рублях; архиепископ взял их на поруку. В то же время Иоанн выслал от себя вон и велел схватить Ивана Афанасьева с сыном за то, что советовали Новгороду отдаться за короля.

Прошел день, другой; на третий явился на Городище владыка и посадники бить великому князю челом от Великого Новгорода, чтобы пожаловал, смиловался, велел освободить посаженных бояр и отдать их на поруку. Великий князь челобиться не принял и сказал: «Известно тебе, богомольцу нашему, и всему Новгороду, отчине нашей, сколько от этих бояр и прежде зла было, а нынче, что ни есть дурного в нашей отчине, все от них; так как же мне их за это дурное жаловать?» В тот же день посадник Ананьин с тремя главными товарищами скованные были отправлены в Москву. Спустя несколько времени пришел опять Феофил с посадниками и многими другими людьми бить челом о помиловании тех товарищей Ананьиных, которые даны были на поруку; это челобитье великий князь принял, велел только взыскать с виноватых 1500 рублей истцовых убытков да свои судные пошлины (свою вину). По окончании этих дел, с 4 декабря, начались пиры у знатнейших новгородцев для великого князя и продолжались до 19 января: каждый хозяин дарил гостя ков-

шами золотыми, деньгами, мехами, рыбьими зубьями, сукнами, ловчими птицами, вином, лошадьми. Те посадники и тысяцкие, которые не успели дать пиров для великого князя, подносили ему дары, какими хотели дарить на пирах; из купцов и житых людей не остался ни один, который бы не пришел с дарами, даже и *молодые* (незначительные) люди многие были у него с дарами и челобитьем; новоизбранный степенный посадник Фома Андреевич Курятник вместе с тысяцким поднесли ему 1000 рублей от всего Великого Новгорода. Во время пиров приехал шведский посол с просьбою о продолжении перемирия; великий князь пожаловал, велел владыке и Новгороду заключить с шведами перемирие по старине и с честью отпустил посла. При всех этих распоряжениях Иоанновых ни один из старых обычаев, ни одно из старых условий не были нарушены: перемирие с соседним государством было заключено владыкою и Новгородом, но с ведома и по приказанию князя; по жалобе новгородцев Иоанн судил, сменил и наказал посадника, ибо имел право верховного суда над всеми, имел право сменять чиновников, объявив только их вину; при этом Иоанн выполнил в точности старинный обычай: давши на обличенных своих приставов, требовал, чтобы Новгород дал также и своих; он заточил осужденного посадника и его товарищей в Москву, но и это была старина: Владимир Мономах, Святослав Ольгович заточали на юг бояр новгородских, и после в договорах это право не было отнято у князей. Иоанн не нарушил ни в

чем старины, но давно уже новгородцы отвыкли от нее, ибо в продолжение многих веков великие князья не пользовались своими правами, а новгородцы, пользуясь настоящим, забыли и о прошедшем и о будущем.

Месяц ехал великий князь из Москвы в Новгород; гораздо скорее возвратился из Новгорода в Москву, ибо не был задерживаем на пути: 26 января выехал он из Новгорода, 8 февраля был уже в Москве. И здесь соблюдено было условие старинных договоров: «Когда, князь, поедешь в Новгород, тогда тебе дары брать по постояниям (станциям); когда же поедешь из Новгорода, тогда дара тебе не надобно». В марте приехал в Москву владыка Феофил с боярами просить об освобождении заточенных новгородцев; Иоанн угостил владыку, но из заточенных не отпустил ни одного. Между тем многим понравилось искать защиты от обид на суде великокняжеском; ждать Иоанна, когда он опять приедет в Новгород, было долго, и вот забыли старинное условие: «На Низу новгородца не судить»; стали брать приставов и являться в назначенный срок в Москву на суд. В начале 1477 года приехал посадник Захар Овинов за приставом великокняжеским со многими новгородцами – одним отвечать, на других искать. Вслед за Овиновым приехали другие бояре и многие житые люди, также поселяне, монахини, вдовы и все обиженные, многое множество, искать удовлетворения в обидах и отвечать на жалобы других. «Этого не бывало от начала, – говорит летописец, – как земля их стала и как великие кня-

зья пошли от Рюрика на Киеве и на Владимире; один только великий князь Иван Васильевич довел их до этого».

Два шага было сделано; оставалось сделать третий, последний. Все было приготовлено: литовская сторона, пораженная бездействием Казимира, безмолвствовала без глав своих; народ начал смотреть на московского князя как на верховного судью; мало того, были в Новгороде люди, которых летописец называет приятелями князя московского; вече молчало. Но оно могло заговорить при первом удобном случае, при первой победе хана Золотой или Казанской Орды, и посадник все еще сидел в суде подле московского наместника; надобно было освободиться и от веча, и от посадника. Приехали двое послов новгородских, Назар Подвойский и Захар, вечаевой дьяк, которые в челобитье назвали Иоанна государем, тогда как прежде, «с тех пор как земля их стала, – говорит летописец, – того не бывало, ни одного великого князя государем не называли, а только господином». Летописи не сообщают ясных подробностей, кем собственно и как устроено было это дело. В следующем же месяце (апреля 24) отправились послы из Москвы спросить владыку и весь Великий Новгород: «Какого они хотят государства? Хотят ли, чтоб в Новгороде был один суд государя, чтобы тиуны его сидели по всем улицам, хотят ли двор Ярославов очистить для великого князя?» В некоторых летописях говорится, что послы называли Иоанна государем по решению владыки, бояр, посадников, но без ведома Великого Новго-

рода; в других говорится, что новгородцы, услышав запрос посла московского, пограбили этих посадников и бояр, дворя, доспехи и всю ратную приправу у них отняли; известный нам Захар Овин оговорил другого боярина, Василия Никифорова, будто бы тот во время поездки своей в Москву присягнул там служить великому князю против Новгорода. 31 мая встал мятеж, собралось вече, пришли на Василия Никифорова, взяли его и привели перед народ, который закричал ему: «Переветник! Был ты у великого князя и целовал ему крест на нас!» Василий отвечал: «Целовал я крест великому князю в том, что буду служить ему правдою и добра ему хотеть, а не целовал я креста на государя своего, Великий Новгород, и на вас, своих господ и братьев». Его убили без милости, иссекли топорами на части; но потом убили и Захара Овина вместе с братом у владыки на дворе, сына Кузьмина за мертво оставили, схватили и двоих других бояр. Луку Федорова и Феофилакта Захарьина, но, приведши на вече, пожаловали, взявши с них присягу, что будут хотеть добра Новгороду. С этого времени новгородцы взбесновались, как пьяные, по выражению летописца, посредничество псковитян отвергли, всякий начал толковать свое, и к королю опять захотели; но послов московских держали шесть недель с честью, с честью и отпустили, давши такой ответ великим князьям: «Вам, своим господам, челом бьем, но государями вас не зовем; суд вашим наместникам на Городище по старине, а тиунам вашим у нас не быть, и двора Ярославова не да-

ем; хотим с вами жить, как договорились в последний раз на Коростыни; кто же взялся без нашего ведома иначе сделать, тех казните, как сами знаете, и мы здесь будем их также казнить, кого поймаем; а вам, своим господам, челом бьем, чтоб держали нас в старине, по крестному целованию». Послы и преданные великому князю посадники отправились в Москву и объявили здесь о новгородских событиях. Иоанн пришел к митрополиту с вестью о клятвопреступлении новгородцев: «Я не хотел у них государства, сами присылали, а теперь запираются и на нас ложь положили». Тоже объявил матери, братьям, боярам, воеводам и по общему благословению и совету вооружился на отступников и крестного целования преступников новгородцев.

Услышав об этих вооружениях, новгородцы послали старосту одной из своих улиц в Москву бить челом об опасной грамоте для своих послов; но великий князь велел *опасника* задержать в Торжке и, несмотря на осеннее время, спешил двинуть отовсюду многочисленные полки к Новгороду: 30 сентября послал он туда складную грамоту, а 9 октября выехал сам из Москвы, оставя здесь по-прежнему сына. Через десять дней великий князь стоял в Торжке; здесь ждали его два посланца новгородских с челобитьем об опасных грамотах, ждали его и два боярина новгородских, братья Клементьевы, с челобитьем о принятии в службу – верное предвещание для успеха! Пробыв четыре дня в Торжке, Иоанн выступил далее на Вышний Волочек, а отсюда пошел меж-

ду Мстою и Яжелбицкою дорогою, и в то же время по разным другим дорогам двигались сильные полки московские, тверские, татарские. Прежде, когда Иоанн ходил в Новгород миром, на станциях являлись к нему знатные новгородцы с подарками; теперь они являлись к нему с челобитьем о принятии в службу; так, приехали к нему посадник Тучин, житый человек Савельев. Опасчиков, найденных в Торжке, великий князь велел вести с собою и, только будучи уже во 125 верстах от Новгорода, у Спаса на Еглине, велел им явиться *перед себя* и дал опасную грамоту. Но если великий князь спешил походом, то новгородцы спешили миром и, не дожидаясь прежних двух опасчиков, выслали третьего; Иоанн объявил ему, что опас уже дан, а сам уже между тем на Полинах, в 120 верстах от Новгорода, урядил полки, как быть в большом полку или в великокняжеском, как в передовом, как в правой и левой руке, и отпустил войска к Новгороду с приказанием занять Городище и монастыри, чтоб новгородцы не сожгли их. Находясь в 50 верстах от Новгорода, у Николы в Тухоле, Иоанн послал приказ псковичам идти на Новгород ратью с пушками, пищальями, самострелами, со всею приправою, с чем к городу приступить, стать на устье Шелони и дожидаться дальнейших приказаний. В 30 верстах от Новгорода, на Сытине, 23 ноября явились к Иоанну владыка Феофил с посадниками и житыми людьми и стали бить челом: «Господин государь князь великий Иван Васильевич всея России! Ты положил гнев свой на отчину свою, на Вели-

кий Новгород, меч твой и огонь ходят по Новгородской земле, кровь христианская льется, смилуйся над отчиною своею, меч уйми, огонь утоли, чтобы кровь христианская не лилась: господин государь, пожалуй! Да положил ты опалу на бояр новгородских и на Москву свел их в свой первый приезд: смилуйся, отпусти их в свою отчину, в Новгород Великий». Великий князь не отвечал послам ни слова, но позвал их обедать. На другой день ходили они к брату великокняжескому Андрею Меньшому с подарками, чтоб просил брата за Новгород, и потом пришли к великому князю с просьбою, чтоб пожаловал, велел с боярами поговорить; великий князь выслал к ним троих бояр *на говорку*. Послы предложили им такие условия, чтоб великий князь ездил в Новгород на четвертый год и брал по 1000 рублей; велел бы суд судить наместнику своему и посаднику в городе, а чего они не управят, тому бы сам князь великий управу чинил, когда приедет на четвертый год, а чтоб позвов на Москву не было; чтоб князь великий не велел своим наместникам владычных судов судить и посадничьих; чтоб великокняжеские подданные в тяжбах своих с новгородцами судились пред наместником и посадником в городе, а не на Городище.

Вместо ответа великий князь велел воеводам своим придвинуться к Новгороду, занять Городище и подгородные монастыри и, получив весть, что приказание его исполнено, велел сказать послам: «Сами вы знаете, что посылали к нам Назара Подвойского и Захара, вечевого дьяка, и назвали нас,

великих князей, себе государями; мы, великие князья, по вашей присылке и челобитью послали бояр спросить вас: Какого нашего государства хотите? И вы заперлись, что послов с тем не посылавали, и говорили, что мы вас притесняем. Но кроме того, что вы объявили нас лжецами, много и других ваших к нам неисправлений и нечести. Мы сперва поудержались, ожидая вашего обращения, посылали к вам с увещаниями; но вы не послушались и потому стали нам как чужие. Вы теперь поставили речь о боярах новгородских, на которых я положил опалу, просили, чтоб я их пожаловал, отпустил; но вы хорошо знаете, что на них бил мне челом весь Великий Новгород как на грабителей, проливавших кровь христианскую. Я, обыскавши владыкою, посадниками и всем Новгородом, нашел, что много зла делается от них нашей отчине, и хотел их казнить; но ты же, владыка, и вы, наша отчина, просили меня за них, и я их помиловал, казнить не велел, а теперь вы о тех же виноватых речь вставляете, чего вам делать не годилось, и после того как нам вас жаловать? Князь великий вам говорит: „Захочет Великий Новгород бить нам челом, и он знает, как ему нам, великим князьям, челом бить“».

Послы отправились назад, в Новгород, а следом за ними двинулся туда и великий князь Ильменем по льду; 27 ноября стал он под городом; в тот же и следующие дни подошли и все другие полки; 30 ноября Иоанн велел воеводам отпустить половину войска за кормами, с тем чтоб через десять

дней все были в сборе под Новгородом, послал торопить и псковскую рать. Новгородцам стало очень тяжело, потому что неприятель расположился в их посадах и монастырях, обхвативши город с обеих сторон. Несмотря на то, они сначала сели все в осаде, устроивши себе по обе стороны Волхова и через самую реку на судах стену деревянную. Иоанн видел, что они укрепились хорошо, что если пойти под стену, то с обеих сторон головы станут падать, и потому не хотел брать города приступом, а решился стоять под ним до тех пор, пока голод и теснота заставят осажденных покориться. Чтоб в собственных полках при этом не было ни в чем недостатка, он приказал псковичам прислать муки пшеничной, рыбы, меду, выслать купцов своих со всяким другим товаром, что и было исполнено. В Новгороде между тем народ стал волноваться: одни хотели биться с великим князем, а другие покориться ему, и последних оказалось больше, чем первых. Вследствие этого 4 декабря явился в московском стане опять владыка Феофил с посадниками и житыми; послы били челом, чтоб государь пожаловал, указал своей отчине, как бог положит ему на сердце свою отчину жаловать. Ответ был прежний: «Захочет наша отчина бить нам челом, и она знает, как бить челом». Послы отправились назад, в город, и на другой день возвратились с повинною, что действительно Новгород посылал в Москву Назара да Захара называть великого князя государем и потом заперся. «Если так, – велел отвечать им Иоанн, – если ты, владыка, и вся наша от-

чина, Великий Новгород, сказались перед нами виноватыми и спрашиваете, как нашему государству быть в нашей отчине, Новгороде, то объявляем, что хотим такого же государства и в Новгороде, какое в Москве». Послы просили, чтоб великий князь отпустил их в город подумать, и дано им два дня на размышление. 7 декабря послы возвратились с новыми просьбами, с новыми уступками: чтоб великий князь велел своему наместнику судить с посадником; чтоб брал каждый год дань со всех волостей новгородских по полугривне с сохи; чтоб держал пригороды новгородские своими наместниками, а суд был бы по старине; чтоб не было вывода и позвов из Новгородской земли; чтоб государь не вступался в боярские земли; чтоб новгородцам не было службы в Низовую землю, чтоб защищали они только свои рубежи. Великий князь велел отвечать им: «Сказано вам, что хотим государства в Великом Новгороде такого же, какое у нас государство в Низовой земле на Москве; а вы теперь сами мне указываете, как нашему государству у вас быть: какое же после этого будет мое государство?» Послы отвечали: «Мы не указываем и государству великих князей урока не кладем; но пожаловали бы государи свою отчину, объявили Великому Новгороду, как их государству в нем быть, потому что Великий Новгород низовского обычая не знает, не знает, как наши государи великие князья держат свое государство в Низовской земле». «Государство наше таково, – был ответ, – вечевому колоколу в Новгороде не быть; посаднику не быть,

а государство все нам держать; волостями, селами нам владеть, как владеем в Низовой земле, чтоб было на чем нам быть в нашей отчине, а которые земли наши за вами, и вы их нам отдайте; вывода не бойтесь, в боярские вотчины не вступаемся, а суду быть по старине, как в земле суд стоит».

Шесть дней думали новгородцы об этом государстве; наконец 14 декабря владыка с посадниками явился и объявил, что вечевоу колокол и посадника новгородцы отложили, только бы государь не выводил их, в вотчины их, земли, воды и в имущества не вступался, позвы отложил и службы им в Низовую землю не наряжал. Великий князь всем этим их пожаловал. Тогда они стали бить челом, чтоб государь дал крепость своей отчине, Великому Новгороду, крест бы целовал, и получили в ответ: «Не быть моему целованию»; просили, чтоб бояре целовали крест, – и в том получили отказ; просили, чтоб по крайней мере будущий наместник присягнул, – отказано и в этом; наконец, просили, чтоб великий князь позволил им возвратиться в город и опять подумать, – и этого позволения не дано. Прошло тринадцать дней, прошел праздник Рождества Христова, владыка с посадниками все жил в стане московском, а между тем последний служивый князь новгородский, Василий Васильевич Шуйский, сложил к новгородцам крестное целование на имя великого князя; и новгородцы из страха перед последним не смели ни слова молвить Шуйскому, который безопасно оставался у них после того два дня. Наконец 29 декабря владыка и

другие послы сказали боярам московским: «Если государь не жалует, креста не целует и опасной грамоты нам не даст, то пусть сам объявит нам свое жалованье, без боярских высылков». Иоанн велел им войти к себе и сказал: «Просили вы, чтоб вывода, позва на суд и службы в Низовую землю не было, чтоб я в имения и отчины людские не вступался и чтоб суд был по старине, всем этим я вас, свою отчину, жалую». Послы поклонились и вышли. Но скоро нагнали их бояре и начали говорить: «Великий князь велел вам сказать: Великий Новгород должен дать нам волости и села, без того нам нельзя держать государства своего в Великом Новгороде». Послы отвечали: «Скажем об этом Новгороду». Новгород предложил две волости: Луки Великие и Ржеву Пустую; великий князь не взял; предложили десять волостей – не взяли и их; тогда послы сказали, чтоб сам великий князь назначил, сколько ему надобно, волостей; Иоанн назначил половину волостей владычных и монастырских и все новоторжские, чьи бы ни были. Новгородцы согласились, но просили, чтоб половина монастырских волостей была взята только у шести богатых монастырей, у остальных же, бедных, малоземельных, не брать. Великий князь исполнил их просьбу; пожаловал и владыку: вместо половины волостей взял у него только десять. Затем начались переговоры о дани: сначала великий князь хотел брать по полугривне с *обжи*: новгородскую обжу составлял один человек, пашущий на одной лошади; три обжи составляли соху; пашущий на трех лошадях

и сам-третей составлял также соху. Но владыка от всего города стал бить челом, чтоб великий князь смиловался, брал бы по семи денег с трех обжей один раз в год; Иоанн согласился брать, однажды в год по полугривне с сохи со всех волостей новгородских, на Двине и в Заволочье, на всяком, кто пашет землю, на ключниках, старостах и холопах одерноватых. Владыка просил также, чтобы великий князь не посылал по новгородским волостям своих писцов и даньщиков, потому что это тяжело будет христианству: положил бы государь это дело на новгородскую душу; новгородцы скажут сами, сколько у кого будет сох, сами соберут дань и отдадут по крестному целованию, без хитрости тому, кому великие князья прикажут; а кто утаит хотя одну обжу и будет уличен, того пришлют к государям на казнь. Иоанн исполнил и эту просьбу, после чего велел очистить для себя двор Ярославов и объявить новгородцам присяжную запись, на которой они должны были целовать ему крест. 13 января 1478 года пришел к великому князю владыка со многими боярами, житыми, купцами и принес присяжную запись; писал ее дьяк владычній, подписал владыка собственною рукою и печать свою приложил, приложили по печати и со всех пяти концов. В тот же день в стане целовали крест на этой записи многие бояре, житые и купцы перед боярами великокняжескими, которые заставили их также обещаться на словах не мстить псковичам за помощь их Москве, не мстить тем боярам и женам их и детям, которые служат великому кня-

зю, отказаться от пригородов, Двинской области и Заволочья. Присягнувши, новгородцы просили бояр, чтобы Иоанн сказал им всем вслух свое милостивое слово, и слово это было им сказано: «Даст бог, вперед тебя, своего богомольца, и отчину нашу, Великий Новгород, хотим жаловать». 15 января приехал в Новгород князь Иван Юрьевич Патрикеев с четырьмя другими московскими боярами и созвал весь Новгород в палату, а не на площадь, потому что с этого дня вече уже не было более в Новгороде; Патрикеев начал говорить: «Князь великий Иван Васильевич всея Руси, государь наш, тебе, своему богомольцу владыке, и своей отчине, Великому Новгороду, говорит так: ты, наш богомолец, и вся паша отчина, Великий Новгород, били челом нашим братьям, чтобы я пожаловал, смиловался, нелюбие с сердца отложил; и я, князь великий для братьев своих, пожаловал вас, нелюбие отложил. И ты бы, богомолец наш, и отчина наша, на чем добились нам челом, и грамоту записали, и крест целовали, то бы все исполняли; а мы вас вперед хотим жаловать по вашему исправлению к нам». После этой речи московские бояре стали приводить лучших новгородцев к присяге на владычном дворе, а по концам посланы были для этого дети боярские и дьяки; целовали крест все, не исключая жен и людей боярских; тут, при крестном целовании, взята была и грамота, которую новгородцы написали и укрепили между собою за 58 печатями. 18 января били челом великому князю в службу бояре новгородские и все дети боярские и житые

люди. 20 января отправлена была в Москву грамота, что великий князь отчину свою, Великий Новгород, привел во всю свою волю и учинился на нем государем, как и на Москве. Наместниками в Новгороде были назначены князь Иван Васильевич Стрига да брат его, Ярослав, Оболенские, а через несколько дней приданы были к ним еще двое наместников. Оболенские поместились на дворе Ярославовом, сам же великий князь продолжал жить в стане и два раза только въезжал в Новгород для слушания обедни у св. Софии, потому что в городе был мор. Перед отъездом Иоанн велел схватить старосту купеческого Марка Панфильева, боярыню Марфу Борецкую со внуком ее Василием Федоровым, еще пятерых новгородцев и отвезти их в Москву, имение отписать на себя; забраны были и все договоры, когда-либо заключенные новгородцами с князьями литовскими. 17 февраля тронулся Иоанн из стана, 5 марта приехал в Москву; за ним привезли из Новгорода вечевой колокол и подняли на колокольню на площади кремлевской звонить вместе с другими колоколами.

Но не вдруг мог забыть Новгород свой прежний быт, и противная Москве сторона ждала только первого удобного случая, чтоб снова подняться. Этот удобный случай не замедлил представиться, когда в 1477 году хан Золотой Орды в союзе с Казимиром литовским начал грозить Москве нашепствием и когда братья великого князя хотели также воспользоваться этим случаем для возвращения себе старых удель-

ных прав. Иоанну дали тайно знать, что многие новгородцы пересылаются с Казимиром, зовут его к себе, пересылаются и с немцами, король обещал явиться с полками и послал, с одной стороны, к хану Золотой Орды звать его на Москву, а с другой – к папе с просьбою о денежном вспоможении для успеха в деле, которое неминуемо повлечет за собою присоединение важной области к римской церкви. Папа назначил на военные издержки сбор со всех церквей польских и литовских. Иоанн хотел предупредить Казимира и заставить врасплох новгородцев: взяв с собою только тысячу человек, он отправился 26 октября к Новгороду *миром*, а между тем под предлогом войны с немцами велел сыну набирать войска и спешить за собою следом; заставы были расставлены повсюду, дабы в Новгороде не узнали о наборе и приближении многочисленной рати. Несмотря на то, в Бронницах он получил весть, что новгородцы затворились и не намерены пускать его миром. Тогда Иоанн дождался полков своих и приступил к городу, в котором по-прежнему имел многочисленных приверженцев: они не хотели биться и перебежали к москвичам; архиепископ послал за опасною грамотою, но Иоанн отвечал: «Я сам опас для невинных и государь ваш; отворите ворота: когда войду в город, невинных ничем не оскорблю». А между тем разрушительная стрельба из пушек не прекращалась. Наконец ворота отворились, и владыка, посадник, тысяцкий (ибо новгородцы поспешили восстановить свои древние формы правления), старосты пя-

ти концов, бояре и народ вышли навстречу к великому князю, пали ниц и просили прощения. Иоанн благословился у архиепископа и сказал во всеуслышание: «Я, государь ваш, даю мир всем невинным, не бойтесь ничего!» – и отправился по обычаю к св. Софии, а потом в дом Ефима Медведева, нового посадника, где и остановился. В тот же день 50 человек главных врагов Москвы были захвачены и пытаны. Тут только великий князь узнал об участии владыки в заговоре и о сношениях братьев своих с новгородцами. Феофил был взят и отослан в московский Чудов монастырь под стражу, богатство его отобрано в казну; 100 главных заговорщиков подверглись смертной казни. 100 семей детей боярских и купцов разосланы по низовым городам. Но и этим дело не кончилось: в 1481 году схвачены были четверо новгородских бояр; вражда сторон продолжалась, и следствием было то, что в 1484 году сами же новгородцы прислали донос в Москву, что некоторые из их сограждан пересылались с королем; по этому доносу человек тридцать больших и житых людей было схвачено, дома их разграблены, сами подвергнуты пытке; когда их приговорили к смертной казни, то перед виселицею стали они прощаться друг с другом и каяться, что напрасно клепали друг друга на пытке. Услыхав об этом, великий князь не велел их вешать, но велел сковать и посадить в тюрьму, а жен и детей их послать в заточение. В то же время была схвачена и разграблена Настасья, славная и богатая, по выражению летописца, взят и пограблен был

также Иван Кузьмин, который во время новгородского взятия с тридцатью слугами убежал в Литву, но король не оказал ему никакой милости, слуги отстали от него, и он самтретей прибежал назад, в Новгород, где и был схвачен. В том же 1484 году принужден был по болезни оставить архиепископию владыка Сергей, посвященный в Новгород на место Феофила из старцев Троицкого Сергиева монастыря. Московские летописцы говорят, что новгородцы не хотели покориться Сергию, ибо он не по их мысли ходил; не могли ничего сделать над ним явно, они волшебством отняли у него ум, говоря, что Иоанн-чудотворец наказал его. Новгородские же и псковские летописцы рассказывают, будто бы Сергей стал притеснять игумнов и священников, ввел новые пошлыны, будто бы, заехав на дороге в Сковородский Михайловский монастырь, от гордости, потому что приехал из Москвы к гражданам плененным, не захотел вскрыть гроб похороненного тут новгородского владыки Моисея и будто бы с этих пор нашло на него изумление: иногда видали, как он сидел на Евфимьевской паперти в одной ряске без мантии, а иногда видали его в полдень сидящим в том же виде у св. Софии. По другому рассказу, новгородские владыки начали являться Сергию то во сне, то наяву с укором, как он смел принять святительское поставление при жизни своего предшественника, не уличенного в ереси, но изгнанного неправдою; когда же он презрел этими укорами, то невидимая сила поразила его и на некоторое время лишила употребления языка.

В 1487 году переведено из Новгорода во Владимир 50 семей лучших купцов. Тогда же выехала из Новгорода и московская ратная сила, стоявшая здесь 17 недель. В 1488 году привели из Новгорода в Москву больше семи тысяч житых людей за то, что хотели убить наместника великокняжеского Якова Захарьича; некоторых Яков казнил еще в Новгороде, других казнили в Москве, остальных отправили на житье в Нижний, Владимир, Муром, Переяславль, Юрьев, Ростов, Кострому и другие города; на их место посланы в Новгород из Москвы и других городов низовых дети боярские и купцы.

В одно время с окончательным прекращением новгородских смут через вывод лучших граждан окончательно усмирена и древняя колония новгородская – Вятка, и тем же самым средством. Еще в 1466 году вятчане ратью прошли мимо Устюга на Кокшенгу, утаившись от городских сторожей; шли по Сухоне-реке вверх, воевали Кокшенгу, а назад шли Вагою вниз. Наместник устюжский Сабуров послал гонца в Москву с вестью об этом, и великий князь велел перехватить вятчан; Сабуров действительно перенял их под Гледеном; но вятчане дали ему хорошие подарки и, простоявши три дня, спокойно отправились домой. В 1469 году, во время похода на Казань, московские воеводы требовали от вятчан, чтоб шли с ними вместе, и получили ответ: «Казанский хан неволею заставил нас поклясться, что не будем помогать ни ему на великого князя, ни великому князю на него»; на второе же требование воевод вятчане отвечали, что, когда

пойдут в поход братья великого князя, тогда пойдут и они. Не знаем, какое следствие имело для вятчан такое поведение их; знаем только, что, не помогши против Казани, они помогли Москве против Новгорода. В 1485 году повторилось прежнее явление: во время похода на Казань вятчане, по словам летописца, отступили от великого князя, который послал на них воеводу Юрия Кутузова с большою силою; тот помирился с ними, и они опять возвратились в московское подданство; но под следующим годом другой летописец рассказывает, что вятчане приходили на Устюг и стояли под городом Осиновцем, но что воевода их Костя начальствовал ими поневоле и, воспользовавшись случаем, ушел в Осиновец, а оттуда – в Москву. Митрополит два раза писал к вятчанам увещательные грамоты. «Называетесь вы именем христианским, – писал он, – а живете хуже нечестивых: святую церковь обижаете, законы церковные старые разоряете, государю великому князю грубите и пристаєте к его недругам издавна, с поганством соединяетесь, да и одни, сами собою, отчину великого князя воюете беспрестанно, христианство губите, церкви разоряете, а челом государю за свою грубость не бьете. Великий князь вас жаловал, слушаясь нашего смирения, потому что я молил его о вас со многими слезами; но от вас нет никакого исправления. И я теперь уже в последний раз послал к вам: „Бейте челом великому князю за свою грубость, пограбленное все отдайте, пленных отпустите. Если же не послушаете нас, то кровь христианская вам

отольется; священники ваши церкви божии затворят и пойдут вон из земли; если же так не сделают, то будут и сами от нас прокляты“». Увещения митрополита не помогли, и в 1489 году, подчинивши себе Казань, великий князь послал на вятчан шестидесятичетырехтысячную рать под начальством двух главных воевод – князя Даниила Щени и Григория Морозова. 16 августа воеводы подступили под Хлынов, а на другой день вятчане, большие люди, вышли бить им челом, чтоб рать земли Вятской не воевала, «а мы великому князю челом бьем, покоряемся на всей его воле, дань даем и службу служим». Воеводы отвечали: «Целуйте же крест великому князю от мала до велика, а изменников и крамольников выдайте головами: Ивана Аникиева, Пахомья Лазарева, Палку Богодайщикова». Вятчане сказали на это: «Дайте нам, господа, сроку до завтра, мы это ваше слово скажем всей земле Вятской». Срок им дали, вятчане думали два дня, но на третий отказали воеводам, что не выдадут тех трех человек. Тогда воеводы велели всей силе своей готовиться к приступу: ставить по городу плетень, запастись смолою и берестою; но вятчане, видя свою погибель, добились челом на всей воле великого князя и выдали изменников. Воеводы развели всю Вятку, взяли лучших людей, купцов и отправили их с женами и детьми в Москву. Великий князь велел Аникиева, Лазарева и Богодайщикова бить кнутом и повесить, а других вятчан пожаловал, дал им поместья в Боровске, Алексине и Кременце, и написались они в слуги великому князю, куп-

цов же поселили в Дмитрове. Вместе с вятчанами привезены были в Москву и туземные вотякские, или арские, князья; но великий князь отпустил их на родину.

Псков удержал на время свою старину благодаря постоянному старанию угодить великому князю, покорностью утишать гнев его. Еще Василий Темный незадолго до кончины своей прислал во Псков наместником князя Владимира Андреевича не по псковскому прошению, не по старине; псковичи, однако, приняли его с честью и посадили на княжение. Но в следующий год – год вступления на престол Иоанна III – они выгнали князя Владимира, потому что приехал не по старине, псковичами не позван и на народ не благ. Столкнувшийся со ступени на вече, с бесчестьем поехал Владимир в Москву жаловаться великому князю, поехали за ним и псковские послы оправдываться. Три дня Иоанн не пускал их к себе на глаза, наконец принял их челобитье и велел сказать Пскову: «Какого князя псковичи захотят, и я им его дам, пусть пришлют ко мне грамоту с боярином». Псковичи выпросили себе князя Ивана Александровича Звенигородского, потом князя Федора Юрьевича, которому дали держать наместников на двенадцати пригородах, тогда как прежде княжие наместники бывали только на семи пригородах. Мы видели, как беспрекословно принимали псковичи решения великого князя и митрополита касательно отношений своих к новгородскому владыке, как потом беспрекословно ходили на Новгород вместе с полками московски-

ми. Иоанн твердил псковским послам: «Какой мой князь будет вам надобен в наместники, того я к вам отпущу, только не бесчестите тех наместников, которые будут дурно с вами поступать: мое дело – их наказывать, а я вас, свою отчину, жалую». Помня этот наказ, псковичи в 1472 году послали к великому князю просить к себе в наместники князя Ивана Стригу-Оболенского, потому что князь Федор Юрьевич начал дурно вести себя во Пскове и сам стал засылать грамоты к великому князю. Узнавши, что псковичи послали в Москву жаловаться на него и просить себе другого князя, Федор на другой же день вышел на вече, сложил с себя крестное целование и выехал из города. Псковичи, чтоб оправдать себя вполне в глазах Иоанна, послали посадника, детей боярских и сотских провожать с честью князя Федора до рубежа, с хлебом, вином, медом; но как скоро Федор подъехал к границе, то силою завел за нее псковских провожатых, отнял лошадей, самих ограбил и чуть-чуть не нагих отпустил во Псков. Иоанн дал псковичам брата Стригина, князя Ярослава Васильевича Оболенского, потому что Стрига ему самому был нужен. В 1474 году, оказав Пскову деятельную помощь против немцев, Иоанн ждал больших послов с благодарностью, но вместо них приехал гонец. Гонец этот возвратился во Псков с вестью, что великий князь сильно сердит, тогда псковичи послали к своему государю в Москву князя-наместника Ярослава Васильевича, троих посадников, бояр изо всех концов и поминку 100 рублей; но Иоанн

сослал их с подворья, на глаза к себе не пустил, дара не принял, и послы, простоявши пять дней шатром на поле, без ответа приехали назад, во Псков. Вслед за ними приехал посол великокняжеский с приказом Пскову сейчас же отправлять новых послов в Москву, и поехали трое других посадников, повезли 150 рублей в подарок; этих послов Иоанн принял и дал такой ответ: «Рад свою отчину по старине держать, если мне положите прежних великих князей грамоты пошлинные».

Это было в конце лета, а в конце осени приехал во Псков из Москвы наместник князь Ярослав и начал просить у Пскова суд держать не по псковской старине; псковичи отправили в Москву послов со старыми грамотами, но великий князь, посмотревши в грамоты, сказал: «Это грамоты не самих князей великих, и вы бы исполнили все то, чего князь Ярослав просит». Псковичи отвечали: «Нам нельзя так жить, как теперь просит князь Ярослав, не по нашим старинам». Иоанн обещал прислать во Псков своего посла для решения дела, которое тянулось уже целый год. В конце 1475 года великий князь приехал в Новгород на суд и на управу; в то время как он осудил новгородских посадников и бояр, явилось к нему четверо посадников псковских с 50 рублями дара и с челобитьем, чтоб держал Псков по старине. Иоанн велел послам дожидаться их князя Ярослава, которому псковичи дали 20 рублей, чтоб просил за них великого князя; но Ярослав, приехавши в Новгород, стал жаловаться Иоанну на по-

садников и на Псков, вследствие чего вместе с ним приехали во Псков послы великокняжеские и объявили вечу: «Просите прощения у князя Ярослава, в чем пред ним провинились, и дайте ему все суды и пошлины, которых он просит; если же не сделаете так, то будете ведаться с государем вашим, великим князем. Он дал нам только пять дней срока приехать и отъехать». Псковичи исполнили требование великого князя и дали на вече Ярославу 130 рублей, за все сполна.

Ярослав начал пользоваться псковскими уступками, и в половине 1476 года бояре из всех концов поехали в Москву с грамотою жалобною бить челом с плачем великому князю, чтоб сослал с своей отчины князя Ярослава, а дал бы ей князя Ивана Александровича Звенигородского, потому что князь Ярослав притесняет весь Псков, а наместники его то же делают по пригородам и волостям. Великий князь обещал прислать своего посла разобрать дело, но псковичи боялись, что на этом суде будет больше обращать внимания на донесения князя Ярослава, чем на их старины. Между тем во Пскове вследствие всеобщего озлобления на князя Ярослава вспыхнуло волнение, какого, по словам летописца, никогда не бывало, ни при одном князе: вез какой-то пскович с огорода капусту через торг, мимо княжеского двора; один из княжеских слуг схватил кочан и дал княжому барану, и за это началась ссора у псковичей с княжескими дворцами, от ссоры дело дошло до драки: слуги наместничьи стали колотиться ножами, псковичи – отбиваться камнями; княжеские дворцы

пошли на весь мир с ножами на торг, а иные с луками и начали стрелять, другие – ножами колоться, псковичи оборонялись кто камнем, кто деревом и убили княжеского повара; сам князь Ярослав, пьяный, в панцире, выскочил и начал стрелять. Весть о побоище пронеслась по всему городу, и вот пошли на торг посадники, бояре, житые люди с оружием, но уже время было к вечеру, и князь с своими слугами пошел на сени, укрощенный добрыми людьми; разошлись и псковичи, из которых многие умерли от ран. Ночью, однако, вооруженные посадники и житые люди всем Псковом держали стражу на торгу, слыша от княжих слуг угрозу, что зажгут город и во время пожара будут бить псковичей. На другое утро псковичи поставили вече и отреклись князю Ярославу, стали провожать его из Пскова, а к великому князю послали грамоту, прописав в ней все, что случилось; но Ярослав из Пскова не едет, дожидается посла от великого князя, и псковичи ждут того же; Ярославу ничего не делают, не мстят ему за его насилия. Наконец явились из Москвы два боярина с такими речами: «Псковичи на князя Ярослава жаловались, а прежде, как великий князь был в Новгороде, они на него не жаловались; тогда как князь Ярослав и тогда на Псков жаловался, и прежде, и теперь опять жалуется; если псковичи не выдадут людей, осужденных по пригородам, то великий князь, моля бога и пречистую его мать, сам все исправит; а Ярослава князь великий оставляет на столе во Пскове». Две недели бояре толковали со Псковом, выпрашивали тех людей, ко-

торых наместники Ярославовы без суда поковали, а Псков расковал, и тех, которые князю какое слово молвили; псковичи не выдали их и дали такой ответ: «Которых людей вы у нас головами выпрашиваете, тех не можем выдать по старине и пошлине, как бывало при прежних государях, то люди правые, а что вы князя Ярослава у нас на столе сажаете, то ведаёт государь наш князь великий, а мы с Ярославом быть не можем, если он так же будет насильничать, как и прежде; шлем ещё послов бить челом нашим государям о старинах». Старшему послу, Ивану Товаркову, псковичи дали 15 рублей, дьяку – 5 рублей, младшему послу Юрию Шестаку – 10 рублей; но Юрий десяти рублей не принял. И все это псковское добро их не тронуло, говорит летописец: приехавши на рубеж, всех провожатых ограбили, лошадей и платье отняли, самих прибили да и деньги отняли; давно в Пскове не бывало таких послов: ничем их нельзя было удобрить, в две недели стоили они 60 рублей, кроме даров. Мы видели, что псковичи обещали отправить новых послов к Иоанну бить челом о сохранении старины; великий князь заставил этих послов дожидаться четыре недели и наконец дал такой ответ: «Если псковичи на двор нашего наместника, а своего князя нападали, то сами из старины выступили, а не я, князь великий». В феврале 1477 года князь Ярослав получил из Москвы грамоту, в которой приказывалось ему ехать туда со всем двором, а в Пскове не оставлять никого. Псковичи со страхом ожидали, что из этого будет. И хотя такого злосердого

князя еще у них не было, однако высылали ему на всякий стан корм из города с честью; а он нарочно на сорока верстах ночевал пять ночей, чтоб побольше изубыточить Псковскую волость, на последнем же стане схватил и отвел 18 человек приставов, которые возили к нему съестные припасы и чествовали его. Псковичи, впрочем, боялись напрасно: Иоанн собирался в это время покончить с Новгородом, потому принял милостиво псковских послов, привезших ему в дар 100 рублей, и сказал им, что пришлет во Псков своих бояр, которые устроят все дела; захваченных Ярославом людей всех отпустил, а самого Ярослава не пустил к себе на глаза во все то время, как псковские послы были в Москве. Наместником во Псков назначен был князь Василий Васильевич Шуйский.

В награду за помощь против Новгорода великий князь прислал во Псков поклон и позолоченный кубок; посол его, Василий Китай, объявил от его имени на вече: «Я, князь великий, хочу держать вас, свою отчину, в старине, а вы бы также слово наше и жалованье держали честно: знайте это и помните...» Псковичи отправили к нему своих послов бить челом за жалованье и за подарок и вместе жаловаться на послов, что по дороге, по станам и по подворью в городе обижают жителей, подарков просят не по псковской силе, с гневом и со враждою, а что им Псков с челобитьем начнет на вече давать, того не принимают, с веча бегают и в сердцах много причиняют христианам убытков и истомы. Но великий князь за эту жалобу только рассердился на Псков, потому

что бояре сказали ему совсем другое. Псковичи немного выиграли от перемены наместника: Василий Шуйский, по словам летописца, был князь невоинственный и грубый, только и знал, что пил да грабил, и много всей земле грубости наделал. Неизвестно, каким образом сменен был Шуйский и на его место прислан опять князь Ярослав Васильевич Оболенский, при котором с 1483 года начались опять сильные волнения: псковичи посекали дворы у шести посадников и у многих других; в следующем году сельские жители, смерды, отказались исполнять свои обычные работы для города; псковичи посадили троих из них в тюрьму и тогда же закликали посадников и написали на них *мертвую грамоту*, т. е. объявили осужденными на смертную казнь, за то, что они вместе с князем Ярославом написали новую грамоту и положили ее в ларь без псковского ведома; одного из посадников, Гаврилу, убили на вече всем Псковом. Опять, следовательно, псковичи накликали на себя гнев великокняжеский, и когда в конце 1484 года послы их приехали в Москву с челобитьем, чтоб их держали в старине, то Иоанн с сердцем приказал смердов отпустить, посадников *откликать*, именные их отпечатать и у князя Ярослава просить прощения. «Тогда только можете мне бить челом, тогда я о вашем добре стану думать», – сказал великий князь. Послы возвратились и объявили на вече приказ Иоаннов, но черные люди не поверили и отправили в Москву новых послов, которые приехали с прежним ответом. Черные люди и этим не поверили,

говоря, что послы согласились объявлять все одно и то же челобитью посадников, сбежавших в Москву, потворствуют им; видно, что и во Пскове, как в Новгороде, было разделение на две стороны: сторону лучших и сторону меньших людей. Встал сильный мятеж, началась брань между лучшими людьми – посадниками, боярами, жителями – и чернью; первые хотели исполнить требование великого князя, отпустить смердов, откликать посадников, выкинуть из ларя мертвую грамоту и бить челом князю Ярославу, чтоб ходатайствовал за них в Москве; боялись они от великого князя казни, потому что без повеления перед его послом смерда казнили и посадника Гаврилу убили. Но черные люди молодые говорили им: «Мы во всем правы, и не погубит нас за это князь великий, а вам не верим, и князю Ярославу не за что нам челом бить». После долгих споров отправили в Москву двоих гонцов из молодых (незначительных) людей с такими речами: «Как нам, государь, укажешь, и мы все по твоей воле сделаем с смердами и посадниками, а потом наши большие послы будут с челобитьем». Все это черные люди сделали наперекор посадникам и жителям, послали, не исполнивши ничего, что приказывал великий князь. Но двое гонцов их были убиты в Тверской земле разбойниками, тогда весной 1485 года псковичи послали в Москву посадников и бояр, на челобитье которых великий князь отвечал с большим гневом: «Если моя вотчина приказ мой исполнит и потом станет просить прощения, то я буду вас жаловать как долж-

но». На этот раз псковичи послушались, отпустили смердов, мертвую грамоту из ларя выкинули, имение и дворы отпечатали. Осенью отправились опять в Москву посадники и бояре вместе с князем Ярославом и повезли 150 рублей; великий князь пожаловал, объявил им, что отчину свою будет держать в старине. Это уже четвертые послы, говорит летописец, да пятых разбойники тверские убили, а все это слали псковичи по делу о смердах и много убытка потерпели, рублей 1000 издержали, да вся земля мялась два года. Но и этим дело не кончилось; спустя немного времени случилось одному священнику разбирать грамоты у наровских смердов, и нашел он ту грамоту, в которой говорилось, как смердам из веков вечных князю и Пскову дань давать и всякие работы урочные отправлять; от этой-то грамоты и произошла вся беда, потому что смерды, утаивши ее, не пошли на работу; псковичи не знали, как бывало в старину, а смерды обманули великого князя, насажали ему все не так. Смерд, увидавши грамоту в руках священника, вырвал ее у него; священник объявил об этом, и псковичи посадили смерда под стражу; с тех пор начали являться к посадникам и ко всему Пскову из города, пригородов и волостей челобитчики на самого князя Ярослава и на его наместников. Посадники и весь Псков набрали бесчисленное множество жалоб, написали грамоты и отправили летом 1486 года послов в Москву, посадников, бояр да обиженных по два человека с пригорода. Послы приехали бить челом великому князю и объявили о смерде, что

грамоту утаил: «Мы теперь его под стражею держим, и как нам, господарь, укажешь?» Великий князь, взглянув на них ярим оком, сказал: «Давно ли я вам простил за дело о смердах, а теперь вы опять начинаете?» – и не принял ни одной жалобы на Ярослава. Это было последнее занесенное в летопись посольство из Пскова в Москву по делам внутреннего управления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.